

ДИВИДЕНДЫ АПАРТХЕЙДА

А. БУТЛИЦКИЙ

ДВЕ столицы бодрствовали в ту памятную ночь с 18 на 19 июня 1970 года. «Весь Лондон», забыв про сон, десятками тысяч глаз всматривался в огромные телевизионные экраны, установленные на Трафальгарской площади. Те, кто остался дома, не выключали телевизоров. По мере того как поступали все новые данные о ходе голосования, страсти накалялись. Наконец под утро стало известно, что вопрос «быть или не быть» решен в пользу консерваторов. В штаб-квартире партии тори в Лондоне вздохнули с облегчением. И такой же радостный вздох раздался за много тысяч миль от берегов Темзы, в Претории.

Да, в столице расистского южноафриканского «рейха» в эту ночь тоже не спалось многим. В министерских кабинетах, в квартирах лидеров правящей Националистической партии, руководителей «невидимого правительства» страны — тайного общества «Брудербонд» до утра не гас свет. Южноафриканская радиовещательная корпорация по приказу своего главы Пита Мейера (он же председатель коллегии «12 апостолов» — высшего исполнительного органа «Брудербонда») непрерывно вела трансляцию из Лондона, сообщавшего ход подсчета голосов.

Утром 19 июня в аэропорту Яна Сметса в Йоханнесбурге приземлился самолет с премьер-министром Джоном Форстером на борту. Глава режима апартхеида возвратился из длительного европейского турне. На вопросы жур-

налистов Форстер, даже не пытавшийся скрыть своего удовлетворения «приятной новостью из Лондона», воскликнул: «Мне отнюдь не жаль, что Вильсон не будет больше возглавлять правительство».

Через несколько часов состоялось экстренное заседание южноафриканского кабинета. И в тот же день министр иностранных дел Хильгард Мюллер вылетел в Лондон.

Правда, как очень скоро выяснилось, правительство ЮАР на радостях слишком поторопилось с командировкой Мюллера. Лидер консерваторов Эдвард Хит еще только формировал кабинет. Поспешность, с которой расисты намеревались продемонстрировать свое расположение к новой власти, шокировала многих видных тори, не говоря уже о рядовых англичанах. Пришлось перестраиваться на ходу. Через два дня какая-то из газет напечатала явно инспирированное сообщение о том, что Х. Мюллер находится в Англии с «частным» визитом. Прошло две недели, прежде чем его принял в «Форин офис» министр иностранных дел сэр Алек Дуглас-Хьюм. Но столь долгое ожидание окупилось с лихвой. 1 июля Мюллер встретился с Дуглас-Хьюмом, а уже на следующий день все английские газеты сообщили, что правительство тори собирается отменить эмбарго на поставки оружия в ЮАР. Предвосхищая начало длинного тура маневров английской дипломатии по этому вопросу, премьер-министр Э. Хит многозначительно заявил 2 июля, открывая

прения в связи с тронной речью королевы: «Следует также признать, что у нас есть жизненно важные оборонные интересы в ЮАР, которые мы не можем игнорировать и которые следует принимать во внимание».

Через три дня после английских выборов, когда еще далеко не все на Британских островах переварили сенсационную победу тори (все предшествующие опросы общественного мнения единодушно предсказывали крупный успех лейбористов), рупор деловых кругов — лондонская газета «Файнэншл таймс» вышла с большим разделом, посвященным Южно-Африканской Республике. Одна из главных статей в нем содержала следующую в общем правильную констатацию: «Избрание в Англии консервативного правительства нигде не вызывало такого чувства облегчения, как в Южной Африке... Белая Южная Африка, особенно та ее часть, которая говорит на английском языке, уже много лет думала про себя, что тори изменят все, снимут запрет на поставки оружия, пригласят ее спортсменов, укрепят стратегический альянс, даже уладят вопрос с Родезией...»

Сдается, что в данном контексте можно было не выделять специально ту часть белого населения, которая «говорит на английском языке». И это было бы признанием серьезных изменений, которые произошли за последние десятилетия в «белом лагере» страны.

В свое время создание доминиона Южно-Африканский Союз было следствием своеобразного компромисса между британским империализмом и местной африканерской (бурской) городской и сельской буржуазией. В течение последующих десятилетий имела место острая борьба между африканерами и белыми европейцами, в основном английского происхождения, за политическую власть в стране. Поскольку расистские порядки на юге континента существовали еще со времен бурских республик, то и в доминионе парламентская борьба, из которой африканцы были искусственно выключены, происходила между различными группировками белого населения.

На каком-то раннем этапе разграничительная линия проходила строго между африканерами и остальными белыми, состоявшими преимущественно из англичан. Потом среди африканеров появились течения, придерживающиеся разной степени конформизма:

от тех, кто готов был состоять с белыми южноафриканцами английского происхождения в одной партии, до сторонников «единого потока», считавших, что все белые граждане, не теряя своей самобытности, должны объединиться в политическом отношении в «единый поток», ибо только в этом случае можно сохранить в обозримом будущем «бааскап», то есть принцип господства белого человека.

На крайне правом фланге этим группировкам противостояли самые фанатичные приверженцы идей африканерского национализма. Их лидеры в предвоенные годы установили связи с руководителями гитлеровского рейха. Во время второй мировой войны они готовили пронацистский путч, намереваясь покончить с «английским господством» и создать с помощью гитлеровцев свое профашистское, расистское африканерское государство. Разжигая шовинистические страсти, это наиболее реакционное крыло африканеров, чью деятельность направляло тайное общество «Брудербонд», в 1948 году пришло к власти под лозунгом апартхеда. В те времена «отцы» теории «раздельного развития рас» исходили из того, что апартхейд, то есть сегрегация, будет проводиться не только по цвету кожи, но и по языку. В этом случае гражданами первого сорта считались бы только африканеры, а белые других национальностей стояли бы на более низких ступенях расовой пирамиды, основание которой составляют миллионы африканцев.

За прошедшие два десятилетия в основном завершился процесс создания в ЮАР «локального» южноафриканского империализма. В ходе этого процесса заметно ослабевал традиционный антагонизм африканеров и белых южноафриканцев английского происхождения. Этому в немалой степени способствовали социальные изменения среди африканеров, которые в массе своей перестали быть «бурами» («бур» в переводе означает «крестьянин»). Если в 1911 году 80 процентов африканеров жило в сельских районах, то в настоящее время 80 процентов их стало городскими жителями. Урбанизация сопровождается усилением позиций африканеров в различных сферах экономики. За последние 30 лет удельный вес африканерского капитала в обрабатывающей промышленности, банковском деле, торговле увеличился втрое, а в горноруд-

ной промышленности, считавшейся традиционной вотчиной английского капитала, — в 10 раз.

Ныне основная масса африканеров перестала быть «белыми бедняками», под лозунгом «спасения» которых в предвоенные годы создавались страховые компании «САНЛАМ» и «САНТАМ», «Фолькскас», «Реддингсдадбонд» (буквально «Общество спасательной деятельности») и им подобные националистические организации, служившие одновременно орудием укрепления позиций африканерского капитала. Сейчас все чаще наблюдаются случаи переплетения африканерского и английского капитала, точнее, капитала белых южноафриканцев английского происхождения. Критикуя отдельные «крайности» режима апартхеда, магнаты английского происхождения в принципе приемлют нынешнюю расистскую диктатуру, которая обеспечивает им колоссальные сверхприбыли. Со своей стороны правящая верхушка отказалась от старых лозунгов бурского национализма, требовавших для африканеров привилегированного положения. В сущности основная группировка «Ферлихт» в Националистической партии во главе с Форстером стала исповедовать теорию «единого потока», некогда считавшуюся «еретической» в стане африканерских националистов.

Все эти «нюансы» взаимоотношений в белом лагере не могли не сказаться и на характере связей между ЮАР и Англией. Былая отчужденность африканеров старших поколений, помнивших преступления британских войск во время англо-бурской войны, постепенно исчезла. Верх стало брать сознание общности интересов в деле угнетения африканских народов. Показательно, что этому «эмоциональному» сближению не могли помешать разногласия и противоречия, существовавшие и существующие между вчерашней метрополией и ее доминионом. Даже исключение ЮАС из Содружества и последующее провозглашение его республикой, если отбросить формальные моменты, во взаимоотношениях Лондона и Претории. Особенно явно стали благоволить британские правящие классы к расистским диктатурам на юге континента в 60-х годах, когда оказалось, что «союз нечестивых» во главе с ЮАР — это последний колониалистский бастион на пути освободительных движений африканского континента.

Справедливости ради следует заметить, что весьма благожелательное отношение официального Лондона к расистскому южноафриканскому «рейху» — отнюдь не исключительная привилегия консервативных кабинетов. Выполняя волю магнатов Сити, лейбористские министры также не сделали решительно ничего такого, что можно было бы расценить как намерение английского правительства воздействовать на режим апартхеда.

Другое дело консерваторы, которые не обременены необходимостью жонглировать «левыми» и «либеральными» лозунгами. В их лексиконе чаще звучат цифры: столько-то фунтов стерлингов, рэндов. И цифры эти таковы, что знакомство с ними объясняет многое в настоячивости Хита и его министров, идущих напролом в стремлении удовлетворить милитаристские запросы Претории.

По официальным оценкам, одна десятая всех прямых английских капиталовложений за рубежом приходится на ЮАР, что составляет в общей сложности 600 миллионов фунтов стерлингов. Эти данные не включают капиталовложений нефтяных, банковских, страховых и судоводных компаний, огромной суммы «портфельных» инвестиций, иначе говоря, акций, принадлежащих частным английским вкладчикам капитала в южноафриканские компании. По официальной оценке, стоимость всех видов капиталовложений Англии в ЮАР составляет 1,3 миллиарда фунтов стерлингов — две трети общей суммы иностранных капиталовложений в этой стране.

В справочнике «Кто чем владеет» перечислено 490 английских компаний, имеющих филиалы в Южно-Африканской Республике. Из 100 крупнейших промышленных компаний Великобритании не менее 77 имеют филиалы в ЮАР.

Так, гигантский английский концерн «Империэл кемикл индастриз» совместно с южноафриканской фирмой «Де Бирс» владеет «Африкен эксплозис энд кемикл индастриз». Эта компания — монополист на химическом рынке ЮАР, самый крупный концерн в обрабатывающей промышленности страны. Английской фирме «Ас-сошиэйтед бритаиш фуд» принадлежит южноафриканская «Премьер миллинг компани», контролирующая в ЮАР десятки мельниц, пекарен и других предприятий пищевой промышленности. «Шелл» и «Бритаиш петролеум» — хозяева крупнейшего нефтеперерабаты-

вающего завода. Этому списку нет конца.

Не следует забывать, что лондонское Сити всегда было тесно связано с финансированием добычи золота и алмазов в ЮАР. Тремя из десяти крупнейших компаний, финансирующих южноафриканскую горнорудную промышленность, руководят из Лондона. «Чартер консолидэйтед» с капиталом 387 миллионов фунтов стерлингов держит 38 процентов своих средств в ЮАР, «Консолидэйтед голдфилдс» с капиталом 316 миллионов фунтов стерлингов имеет там 55 процентов своих капиталов. Акции всех этих горнорудных компаний империи Опенгеймера, а также 11 из 16 крупнейших государственных

компаний ЮАР котируются на лондонской бирже.

Из четырех банков, господствующих в коммерческом банковском деле, два — английские. «Берклейс бэнк» имеет в ЮАР 825 отделений, «Стандард бэнк» — около 800 отделений. В 1969 году «Стандард бэнк» участвовал в организации нового Банка торговли, ставшего сейчас самым крупным в стране. Основные держатели акций банка — «Стандард бэнк» и правительство ЮАР. Тесно связан с южноафриканской экономикой и финансами один из крупнейших торговых банков Лондона — «Хилл, Сэмюэль энд компани». Огромная английская страховая компания «Лигал энд дженерал иншурэнс компани» называет себя «неотъемлемой частью жизни ЮАР».

На протяжении многих лет ЮАР занимает одно из первых мест среди главных торговых партнеров Великобритании. В 1970 году объем двусторонней торговли составил около 600 миллионов фунтов стерлингов — почти двойной рост за последние девять лет. Треть перевозок, осуществляемых ныне через порт Саутгемптон, — перевозки между Англией и ЮАР. Ожидают, что дальнейшему расширению взаимной торговли будут способствовать 13 английских торговых миссий, которые в 1971 году намереваются посетить Южно-Африканскую Республику.

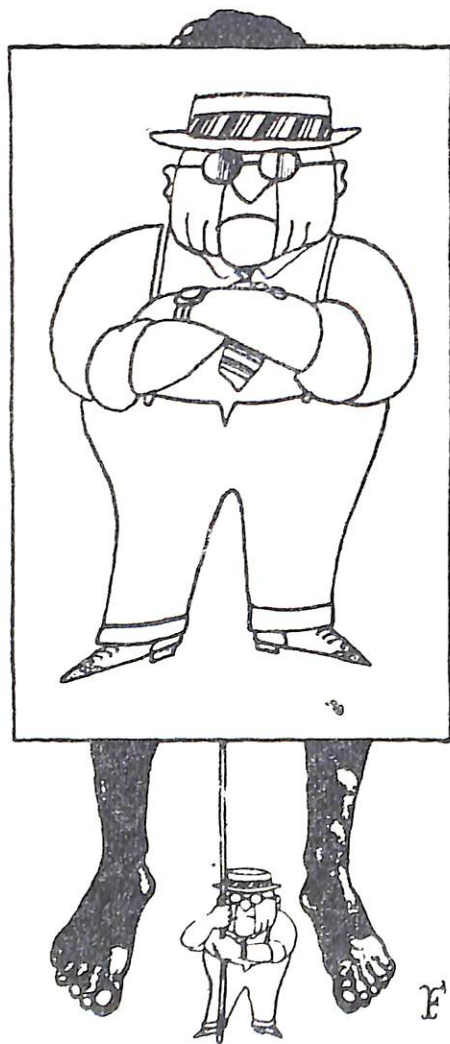
Для большого бизнеса Великобритании режим апартхеда — настоящее золотое дно. Только в адрес Сити отсюда идет поток дивидендов на сумму 100 миллионов фунтов стерлингов в год. Высокая прибыль основана на низком уровне заработной платы африканцев. В горнорудной промышленности, например, средний заработок рабочих-африканцев примерно в 17 раз меньше, чем у белых.

Столбцы цифр в бухгалтерских книгах британских финансово-промышленных магнатов достаточно ясно очерчивают круг могущественных друзей, которых белая Южная Африка имеет на берегах Темзы. Из упоминавшихся 490 английских фирм с филиалами в ЮАР 161 внесла лишь в 1969 году в кассу консерваторов 600 тысяч фунтов стерлингов, покрыв половину расходов на проведение избирательной кампании. В брошюре «Южная Африка, апартхейд и Великобритания», вышедшей в свет в Лондоне в 1970 году, отмечается, что указанная сумма включает пожертвования

лишь одной трети английских фирм, являющихся пайщиками апартхеда. В парламенте прошлого созыва на скамьях консервативной оппозиции восседало 32 бизнесмена, возглавляющих компании с филиалами в ЮАР. Ныне в Вестминстере, где тории значительно увеличили свое представительство после выборов 1970 года, еще больше финансово-промышленных тузов, непосредственно заинтересованных в «дружбе» с расистским режимом. Когда Эдвард Хит после своего воцарения на Даунинг-стрит 10 объявил состав кабинета, оказалось, что в него входят семь виднейших представителей южноафриканского лобби, которые занимали директорские посты в компаниях и банках, имеющих филиалы в ЮАР. Министр обороны лорд Каррингтон — директор «Берклейс бэнк», министр внутренних дел Р. Модлинг — шинно-резинового концерна «Дэнлоп», министр финансов А. Барбер — «Бритиш роупс», министр техники Д. Риппон — «Дрейк энд Горэм, Скалл», министр по вопросам занятости и производительности труда Р. Карр — «Метал кложерс групп» и «Норич юнион иншурэнс», министр жилищного строительства П. Уокер — «Адвест групп» и «Слейтер уокер секьюритис», лорд-канцлер К. Хогг — «Уэлмен инджиниринг корпорейшн». Известный обозреватель Чарлз Дуглас-Хьюм констатировал на страницах «Таймс»: «Трудно воздержаться от мысли, что Консервативная партия... перешла на явно небеспристрастную позицию тех лиц, которые имеют капиталовложения в ЮАР... Создается впечатление, что политика консерваторов неизменно отражает взгляды именно тех фирм, которые имеют подобные капиталовложения». Заметим, что это свидетельство принадлежит племяннику Алека Дуглас-Хьюма — главы «Форин офис».

Доподлинно известно, что «теневой кабинет» консерваторов начал разрабатывать основы своей нынешней политики в отношении ЮАР, когда партия Хита — Хьюма находилась в оппозиции. В январе 1970 года в ЮАР побывал с визитом Селвин Ллойд, занимавший в разное время посты министра обороны, иностранных дел и министра финансов в консервативных кабинетах. Кстати, именно он, будучи министром обороны, подписал с ЮАР Саймонстаунское соглашение. Южноафриканские расисты и их английские друзья считают, что это со-

«БЕЛОЕ БОЛЬШИНСТВО»

Карикатура из журнала «Шпильки» (Польша)

глашение — удобный повод для Претории требовать (а Лондону удовлетворить эти требования) новых поставок оружия и отмены эмбарго.

По возвращении на родину С. Ллойд представил «теневому кабинету» свои соображения, которые предусматривали отмену эмбарго на поставки оружия в ЮАР, «нормализацию» отношений с режимом Смита в Родезии. Тогда же совет Консервативной партии по вопросам Содружества наций и заморских территорий разработал документ по проблемам планирования обороны, который в своих выводах пошел еще дальше, чем С. Ллойд. Предлагалось не только стимулировать всевозможных контактов с ЮАР, а также отмена эмбарго на поставки оружия расистам, но и вовлечение режима апарtheid в некий региональный пакт по обороне Южной Атлантики и Тихого океана. Этот пакт должен был либо дополнить НАТО, став его южным флангом, либо остаться самостоятельной Организацией южноатлантического договора (САТО).

В сущности сейчас консерваторы намерены претворять в жизнь принципы южноафриканской политики, сформулированные ими до прихода к власти. Разница, пожалуй, лишь в том, что положение правящей партии побуждает их выдумывать все новые лицемерные формулы для оправдания этой позорной политики. Одна из них — смехотворный тезис о том, что оружие, мол, будет предназначено для обороны, но никак не для репрессивных действий против африканского населения страны.

А поскольку Южно-Африканской Республике никто извне не угрожает, на орбиту запущена «утка» о мнимой советской угрозе. Другое дело, что в эту выдумку не верят даже сами ее изобретатели, не говоря уже об остальных. Позволим себе в этой связи привести категорическое утверждение военного обозревателя «Таймс» Чарлза Дуглас-Хьюма. «Маловероятно, а то и невозможно, — писал он, — чтобы в ближайшие десять лет, — другими словами, в течение жизни существующих или разрабатываемых систем оружия, — Южно-Африканская Республика могла подвергнуться серьезной военной угрозе либо со стороны государств Черной Африки, либо со стороны внешней коммунистической державы, находящейся с ними в союзнических отноше-

1971 год объявлен Годом действий по борьбе против расизма и расовой дискриминации. Сегодня все прогрессивное человечество поддерживает требование, прозвучавшее в Отчетном докладе товарища Л. И. Брежнева XXIV съезду КПСС: «Должны быть полностью претворены в жизнь решения ООН о ликвидации оставшихся колониальных режимов. Проявления расизма и апартеида подлежат всеобщему осуждению и бойкоту».

ниях». И далее: «Они (правители Претории.— А. Б.) сейчас много шумят об угрозе, которая, по их мнению, все больше исходит от русского флота, плавающего вокруг Южной Африки; эту угрозу они неимоверно преувеличили...»

А вот еще одно свидетельство, которое никак не назовешь пристрастным. Английская газета «Дейли мейл» 23 октября 1970 года написала: «Никто, в том числе даже президент Никсон, не считает, что существует реальная угроза со стороны России в Индийском океане».

Впрочем, изобретательности лондонских политиков поистине нет предела. Министр иностранных дел Дуглас-Хьюм в одном из выступлений дал такое «оригинальное» толкование мотивов сговора своего правительства с расистами. Обрушившись на африканские страны, которые считают, что свергнуть расистские режимы в ЮАР и Родезии можно только путем народно-освободительной войны, глава британской «Форин офис» выдвинул свою концепцию. Оказывается пропаганда народно-освободительной войны ведет лишь «к укреплению экстремистов в этих странах». А посему британский министр предлагает свой рецепт того, как положить конец апарtheid: содействовать росту экономики ЮАР, что облегчит якобы доступ африканских рабочих к квалифицированной работе (пока что, несмотря на недостаток квалифицированных рабочих, расисты и не помышляют об отмене «цветного барьера» в промышленности). А еще, по словам Дуглас-Хьюма, нужно способствовать «сознательным попыткам обеспечить примирение и сосуществование между ЮАР и остальной частью африканского

континента». Иначе говоря, свободным государствам Африки предлагается вступить в беспредметный «диалог» с палачами миллионов африканцев.

Развивая подобные мысли, премьер-министр Хит заявил 17 ноября 1970 года, что «отвращение к апарtheid — это вопрос морали, а не политики, и оно, конечно, не является категорическим требованием не устанавливать никаких контактов с южноафриканцами». Да какая уж там «мораль», когда речь идет о многомиллионных прибылях. Сколько ни толкуй о морали империалистам и колонизаторам, у них перед глазами все время будут маячить 150 миллионов фунтов стерлингов, что сулят поставки оружия Южно-Африканской Республике. И только улыбку может вызвать рвение английской буржуазной газеты «Дейли телеграф». Отметая голоса протеста миллионов африканцев, возмущенных флиртом Лондона с Преторией, она так озаглавила статью, отстаивающую «право» поставлять оружие расистам: «Англия превыше всего».

Но при чем здесь Англия, когда превыше всего ставятся интересы не английского народа, а британского большого бизнеса. Ради дивидендов группы магнатов Сити, наживающихся на апарtheid, консервативное правительство ввязывается в авантюры, в результате которых Англия проиграет намного больше, чем приобретет. В правительственных канцеляриях Уайт-холла не знают или забыли знаменитый афоризм Бернарда Шоу: «Если бы опыт прошлого чему-нибудь учил, камни Лондона были бы мудрее всех мудрецов».